

Т. В. Тернопол

**«Темные аллеи» в «Вишневом саду»:
интертекст в романе Г. Петровича «Книга с местом для свиданий»**

Статья посвящена анализу влияния русской литературы на творчество современного сербского писателя Горана Петровича (на примере романа «Книга с местом для свиданий»). Автор исследует интертекстуальные аспекты произведения и выявляет, что данный текст представляет собой сплав традиционных сюжетов, мотивов, образов, тем русской литературы XIX–XX вв.

Ключевые слова: постмодернизм, интертекст, сюжет, мотив, система образов, аллюзия.

T. V. Ternopol

**“Dark Avenues” in “The Cherry Orchard”
(Intertext in Goran Petrovich’s Novel “Smalltalk Place at “Lucky Shot””)**

The article is devoted to analyzing the influence of the Russian literature on contemporary Serbian writer Goran Petrovich (especially on his latest novel “Smalltalk Place at “Lucky Shot”). The author studies the intertext and finds out that the novel is based on plots, motifs, images and themes traditional for the Russian literature in XIX-XX centuries.

Key words: postmodernism, intertext, plot, motif, image system, allusion.

Роман сербского писателя Горана Петровича, озаглавленный в русском переводе «Книга с местом для свиданий» (буквальный перевод названия – «Магазин безделушек «Счастливчик»), вышел в 2000 г. Это третий и на сегодняшний момент последний роман писателя, которого называют «вторым Павичем», талантливым представителем литературы постмодернизма. Если в первом романе («Атлас, написанный небом») сильно влияние Х. Кортасара (в частности, романа «Игра в классики»), а во втором («Осада церкви святого Спаса») ощущается стилистика М. Павича, то третий роман свидетельствует о творческой зрелости Г. Петровича и обретении им собственной тематики и стиля.

Русскому читателю должно быть особенно приятно, что роман «Книга с местом для свиданий» – это своеобразное признание в любви русской классике XIX века: сюжет, мотивная структура, проблематика, герои, русский национальный характер – так мог написать только истинный ценитель Пушкина и Тургенева, Толстого и Чехова. Настоящая статья посвящена анализу роли интертекста в романе.

Сюжет «Книги с местом для свиданий» представляет собой реализацию метафор «войти в книгу» и «проникнуть в текст». Автор исходит из допущения, что настоящий читатель действительно может овладеть приемами, как он это на-

зывает, «*полного чтения*», то есть в буквальном смысле оказаться в тексте: «Не было больше ни кресла, ни стола, не было двухэтажного дома на Великом Врачаре, Анастас несся по узкой извилистой тропке, все ближе и ближе к огромной воде... Мощный рокот открытого моря и звонкое жужжание насекомых в кустах становились все реальнее и оглушали его слух» [2, с. 126]. Причем не просто встретиться с героями книги, а самому стать ее героем. Практически ту же самую идею высказывает Л. Н. Толстой в романе «Анна Каренина», когда заглавная героиня возвращается из Москвы в Петербург и ночью читает в поезде какой-то английский роман: «Анна Аркадьевна читала и понимала, но ей было неприятно читать, то есть следить за отражением жизни других людей. Ей слишком самой хотелось жить. Читала ли она, как героиня романа ухаживала за больным, ей хотелось ходить неслышными шагами по комнате больного... читала ли она о том, как леди Мери ехала верхом за стай и дразнила невестку ... ей хотелось это делать самой. Но делать нечего было, и она, перебирая своими маленькими руками гладкий ножичек, усиливалась читать» [4, с. 101–102]. Анна Каренина, вчитываясь в текст, чувствует, что герои в нем лишние, она сама готова занять их места, то есть войти в художественное пространство не как читатель, а как персонаж книги. По-

хоже, что Горан Петрович решил исполнить ее полуосознанное желание: в его романе один из героев, Анастас Браница, пишет книгу, в которой нет героев, а единственными ее персонажами становятся читатели, владеющие искусством, открывая книгу, забывая о реальном мире.

Когда книга представляет собой «место для свиданий» с другими такими же ценителями изящной словесности, главным в ней становится не сюжет, а магия слова, красота стиля, умение автора создать живую картину, в которой читателю хотелось бы оказаться. Русская классика, кроме своего глубокого психологизма, славится именно пейзажными зарисовками. Горан Петрович сам указывает на один из вдохновивших его текстов – это последняя глава из «Записок охотника» И. С. Тургенева, которая называется «Лес и степь», лирическое описание русской природы в разные времена года. В этом тексте есть и черты сказового повествования и постоянные обращения к эксплицитному читателю: «Знаете ли вы, например, какое наслаждение выехать весной до зари? Вы выходите на крыльцо... На темно-сером небе кое-где мигают звезды; влажный ветерок изредка набегаёт легкой волной; слышится сдержанный, неясный шепот ночи; деревья слабо шумят, облитые тенью... Вот вы сели; лошади разом тронулись, громко застучала телега... Вы едете – едете мимо церкви, с горы направо, через плотину» [5, с. 319–320]. Этим достигается эффект отождествления читателя с повествователем и героем текста, читающий входит в художественный мир произведения, что, с точки зрения Петровича, и есть цель настоящего чтения. В интервью Ирине Антанасиевич писатель признался: «Стараюсь заставить читателя дышать в ритме рукописи, стараюсь, чтобы ритм его сердца совпадал с текстом. Поскольку, как писатель, постоянно наслаждаюсь эффектом “распахнутых глаз”. Надеюсь, все помнят эту чудную детскую реакцию. Когда, затаив дыхание, широко распахнув глаза и раскрыв рот, мы следили за нитью сказки, героической былины или любовной легенды, не пропуская ничего, волнуясь и переживая, несомые ритмом рассказа» [1].

Кроме обозначенного (и даже процитированного в тексте Г. Петровича) И. С. Тургенева, в «Книге с местом для свиданий» множество аллюзий на других русских классиков: поэтика Н. В. Гоголя (в частности, известное описание степи из повести «Тарас Бульба» и сад Плюшкина из романа «Мертвые души») ощущается в описании сада, с которого начинается «Второе чтение» (так в книге

Г. Петровича именуется главы): «Вокруг, повсюду, куда достигал взгляд, простирался роскошный сад изумительной красоты. Дорога вначале вилась среди рядов лиственниц, которые затем сменялись красными дубами, а потом настоящим фейерверком, в совершеннейшей гармонии чередовавшихся групп самых разных растений и разнообразнейших их форм, умело связанных друг с другом зарослями высоких и низкорослых кустов» [3, с. 87]. Образ кухарки Златаны, глухой старушки, постоянно хлопочущей на кухне и щедро угощающей всех посетителей книги приготовленными кушаньями, – это тоже Н. В. Гоголь, но уже «Старосветские помещики», знаменитая Пульхерия Ивановна.

В романе Г. Петровича находится место не только для русской прозы, но и для поэзии: конная статуя Михаила Обреновича, которая, как кажется Адаму Лозаничу, охотно покинула бы постамент, но не знает, куда ей двинуться, – это не только символ сербской истории и культуры, но и явный намек на «Медного всадника» А. С. Пушкина.

Особую роль в романе играет образ-символ арфы. Расстроенная арфа оживает на вилле тогда, когда в музыкальный зал влетает восточный ветер и начинает осторожно перебирать струны. То есть она представляет собой Эолову арфу, музыкальный инструмент, популярный в романтическую эпоху и воспетый В. А. Жуковским в одноименной балладе о несчастной любви княжеской дочери и простого певца:

И арфу унылой
Певец привязал под наклоном ветвей:
«Будь, арфа, для милой
Залогом прекрасных минувшего дней;
И сладкие звуки
Любви не забудь;
Улада разлуки
И вестник души неизменная будь.
Когда же мой юный,
Убитый печалию, цвет опадет,
О верные струны,
В вас с прежней любовью душа перейдет.
Как прежде, взыграет
Веселие в вас,
И друг мой узнает
Привычный, зовущий к свиданию глас
[2, с. 127–128].

Мотив восточного ветра тоже далеко не случаен: он не только оживляет арфу, он соединяет Адама и Елену, в момент объяснения раскрывая книгу на странице, где говорится об их любви.

Он приносит древние слова, которые изучает профессор Тиосавлевич. Откуда прилетает этот восточный ветер? На востоке от Сербии лежат Болгария, Украина и... Россия.

Русская культура настолько близка Г. Петровичу, что в «Книге с местом для свиданий» находится место и для русских героев, эмигрантов не только из Российской империи, но и из русской классики. Это учительница пения Наталии Дмитриевич – госпожа Палладия Ростовцева (ср. с Наташей Ростовской у Л. Н. Толстого), Афрося Степаненко, жена дяди Сретена Покимицы, убежденного панслависта, страдающая приступами «пичали или галавной боли», вызванными «хронической ностальгией» [3, с. 338]. Ее образ – это сплав чеховской «Душечки» (автор так ее и называет) и героинь рассказов И. А. Бунина (например, «Чистый понедельник»). Супруг Фроси, «русский душою» и «провозгласивший жизненным призванием любовь к своей прекрасной душеньке» [3, с. 326], соткан из мотивов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Г. Петрович пишет об этой паре так: «Периоды безденежья они проводили над жидким чаем без сахара, деля пополам и макая в него свои позапрошлогдние сетования. Когда же, кто его знает откуда, появлялись у них деньги, они жили с размахом, стараясь всячески угождать друг другу, посещали оперу и концерты, приемы для избранных... Кроме того, иногда дядя где-то разыскивал и приводил в дом цыган, которые умели “сплестать в косу” русские песни... То он вызывал на дуэль каждого, кто откажется встать по стойке “смирно” в честь погибшей Империи, то выпивал полдюжины бутылок шампанского за “здоровье” жены, а то на ранней заре, усевшись на подоконник их квартиры на шумном Вождовце и свесив ноги наружу, словно в каком-нибудь толстом русском романе, раскрывал миру душу, повествуя об обуревавших его чувствах...» [3, с. 335–336].

Сербский писатель парадоксальным образом скрещивает излюбленную Ф. М. Достоевским тему «бедных людей», «униженных и оскорбленных», с его же inferнальностью и крайностями русского национального характера, щедро разбавляя получившуюся окрошку всеми четырьмя томами «Войны и мира» Л. Н. Толстого (здесь и дворянские кутежи Пьера, и Наташа, любующаяся летней ночью в Отрадном, и патриотический пафос Николеньки и Пети Ростовых).

Не проходит Г. Петрович и мимо советского периода развития русской литературы. Голя Горхов, присланный из Советского Союза «опытный

чекист, чью грудь украшали три ряда орденов и медалей, которые он заслужил в борьбе с эсерами, меньшевиками и белогвардейскими бандами Врангеля, постоянно бывший начеку, с засунутым за пояс взведенным наганом» [3, с. 343], становится наставником Сретена Покимицы и с помощью последнего организует резню русских эмигрантов в тургеневских «Записках охотника». Этот тип жестокого революционного фанатика заставляет вспомнить героев «Донских рассказов» и «Тихого Дона» М. Шолохова, Стрельникова из «Доктора Живаго» Б. Пастернака.

Своеобразную пародию на популярные в Советском Союзе попытки применить политические теории к сфере художественного творчества и языку (например, знаменитый труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», написанный в 1950 г.) представляет собой трехтомник «История, теория и практика восприятия литературного произведения и основные директивы в свете решений XV съезда ВКП(б)», который попадает в руки Сретену Покимице. Благодаря этой книге Сретен усваивает навыки «полного чтения», которые обеспечили ему карьеру в органах государственной безопасности. Сретен – герой, пришедший из советской литературы, бескомпромиссно преданный идее мировой революции и всегда готовый к борьбе с внутренними и внешними врагами за дело коммунистической партии (соединяющий лучшие черты Павки Корчагина из повести «Как закалялась сталь» Н. Островского и Олега Кошевого из романа «Молодая гвардия» А. Фадеева). Показательно, что остальные герои романа Горана Петровича относятся к нему настороженно: недоверие вызывает не только его работа в органах, но и его принадлежность к литературной традиции другой эпохи, построенной на иных идеалах и использовавшей другие языковые ресурсы.

Русскую тему поддерживают и многочисленные русские по происхождению герои книги. Поскольку, по воле Горана Петровича, они оказались не только в Сербии, но и в романе сербского писателя, русские герои вводят в произведение тему эмиграции, тоски по родине и родному языку. Воспоминания русских эмигрантов Анастас использует, чтобы создавать интерьеры на вилле в своем романе. Госпожа Ростовцева все свои реплики в романе произносит только по-русски, Афрося читает русские книги и плачет. Вопрос об эмиграции из родной Сербии встает перед Наталией Дмитриевич и Еленой. И если Елена в течение всего романа стремится бежать от родно-

го языка и прилежно учит английский, то госпожа Наталия, напротив, отказалась от эмиграции из советской Югославии, несмотря на то, что с родиной ее уже ничего не связывало (Анастас Браница совершил самоубийство, мать умерла, отец был убит Покимицей). В минуту откровенности она призналась Елене, что «не могла оставить... свою библиотеку, подушку, в которую я поклялась в любви, язык, в котором я только и жила...» [3, с. 73]. Госпожа Наталия также произносит фразу о том, что «невозможно сбежать от родного языка» [3, с. 294], ибо только язык сохраняет память о прошлом и объединяет людей. Как тут не вспомнить любимого Г. Петровичем эмигранта И. С. Тургенева: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык...» [6, с. 507]. Угасание самой госпожи Дмитриевич начинается с того, что она забывает слова, теряя связь со своими воспоминаниями. Но перед смертью она успевает сделать самое важное – соединить Адама и Елену, чтобы хотя бы одна любовная история в этом романе закончилась хорошо. Эти герои в буквальном смысле находят общий язык: Адам проникается восхищением перед совершенством стиля Анастаса Браницы, а Елена излечивается от ненависти к звукам родной речи.

Счастливейший конец романа, в котором влюбленные уплывают на лодке от реальности в совершенную по стилю книгу Анастаса Браницы «Мое наследие», контрастирует с темой несчастной любви, которая пронизывает все произведение. В «Книге с местом для свиданий» представлены, кажется, все возможные варианты трагической любви, которыми так богата великая русская литература: смерть возлюбленной (первая любовь Анастаса, юная Милена, встреченная им в учебнике по ботанике и вскоре умершая от туберкулеза) напоминает романтическую лирику В. А. Жуковского и А. А. Фета; легкомысленная и жестокая красавица, обманывающая пылко влюбленного юношу (Натали Увиль, которая полюбила Анастаса в книжной реальности, но, не смешивая ее с жизнью, спокойно вышла замуж за другого) – излюбленный лирический сюжет М. Ю. Лермонтова, многократно повторенный в «Темных аллеях» И. Бунина («Митина любовь», «Кавказ», «Муза»). Неразделенная любовь Наталии Дмитриевич к Анастасу, которой она осталась верна на всю жизнь, нравственная бескомпромиссность героини вызывают в памяти Соню

из «Войны и мира» Л. Н. Толстого и знаменитых «тургеневских девушек», прежде всего, Лизу Калитину из «Дворянского гнезда». И хотя нельзя говорить о том, что истории любви героев «Книги с местом для свидания» прямо взяты из классических тестов русской литературы, ее влияние ощутимо.

Очевидно, что переводчица Л. Савельева была совершенно права, радикально изменив (с согласия Г. Петровича) [1], название романа в русском переводе. Этот постмодернистский по своей природе текст на самом деле является книгой с местом для свиданий не с чем иным, как с русской классикой. Устами одной из своих героинь автор говорит: «Книги, как губки. На первый взгляд, они невелики по размеру, пористы, их ткань обладает способностью впитывать бесконечное количество судеб, даже поглощать целые народы. Чем другим являются книги об исчезнувших цивилизациях, как не губками, сконцентрировавшими в себе целые эпохи?» [3, с. 74–75]. Книга Горана Петровича – это и есть губка, впитавшая в себя всю русскую литературу, роман, обнаруживающий интертекстуальные связи с произведениями русской и советской классики разных родов и жанров. В своем произведении сербский писатель переосмысливает один из ключевых концептов постмодернизма – «мир как текст», превращающийся в «текст как мир», в котором проводит свои филологические раскопки профессор Тиосавлевич. Этот эклектичный, состоящий из напластований разных эпох и разных стилей мир, создается и живет по своим особым законам.

Процесс создания художественного текста превращается, по Горану Петровичу, в коллекционирование и расстановку в авторском мире фрагментов чужих текстов: Анастас Браница не стыдился покупать понравившиеся ему слова и описания, как делают декораторы, использующие для украшения интерьера произведения искусства, мебель, текстиль, авторские вещи, сотворенные другими художниками, но удачно вписываемые во вновь создаваемый контекст. Одни покупки выставляются в том виде, в котором они были приобретены (цитаты из И. С. Тургенева), другие используются для создания новых художественных образов (аллюзии на Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского), от третьих берется только идея (эолова арфа В. А. Жуковского). И тут русская литературная классика оказывается не в меньшей цене, чем ювелирные украшения фирмы Фаберже на антикварных аукционах, потому

что она задает определенный стиль, позволяет, как камертон, не сфальшивить и выдержать чистоту взятой ноты.

Библиографический список

1. Антанасиевич, И. Оккупант человеческих чувств: сербский романист Горан Петрович отвечает на вопросы Ирины Антанасиевич [Электронный ресурс] / И. Антанасиевич. – Режим доступа : <http://topos.ru/article/3332>, свободный.
2. Жуковский, В. А. Стихотворения [Текст] / В. А. Жуковский. – М. : Советская Россия, 1974. – 304 с.
3. Петрович, Г. Книга с местом для свиданий [Текст] / Г. Петрович ; пер. с серб. Л. Савельевой. – СПб. : Амфора, 2005. – 415 с.
4. Толстой, Л. Н. Анна Каренина [Текст] / Л. Н. Толстой. – Ярославль : Верхне-Волжское кн. изд-во, 1964. – 816 с.
5. Тургенев, И. С. Записки охотника. Повести и рассказы [Текст] / И. С. Тургенев. – М. : Худож. лит. , 1979. – 607 с.
6. Тургенев, И. С. Собрание сочинений [Текст] : в 12 т. Т. 8 / И. С. Тургенев. – М. : Гос. изд-во худ. лит. , 1956. – 612 с.